

ГРОЗА В КОНЦЕ АПРЕЛЯ

После обеда спускался в "нижний город". Внезапно полил быстрый, частый дождь. Я спрятался под навесом над дверью обросшим громадными деревьями старого домика. Во дворе множество цветов. Крупные капли звонко щёлкают по листьям. Цветы, как и люди на дожде, стоят, неподвижно вжав головы в плечи.

Так же внезапно дождь прекратился. Капли засверкали на солнце. Птицы разом продолжили прерванные трели и щебет. Посвежело, и запахи очистились от бензиновой гари. По парящему асфальту я пошагал вниз.

Дождь, птичий гомон, запахи, сверкающие капли... Когда-то я уже чувствовал и видел подобное сияние, когда ты как бы растворён в сладком воздухе и вместе с ним обволакиваешь всё сущее.

Вспомнил. Это было весной 61-го, накануне 1-го Мая. Я боронил в Ановке. Былая широкая улица обозначена двумя рядами тополей с тёмными пятнами грачиных гнёзд на ветках. За тополями ровные ряды квадратных куч из размытого самана. Кое-где сохранились куски стен с оконными проёмами. Всё густо заросло бурьяном, двухметровые будылья которого торчат в развалинах. Степные буряны за долгую зиму плотно забили снегом эти бывшие комнаты, кухни, сени, погреба, кладовые и пригоны. Бурьян надёжной арматурой скрепил его, и будет лежать он там до середины лета.

На окраине под тополями стоит бригадный вагончик. Возле него прицепы с луцильниками и боронами, небольшая цистерна с ручным насосом, бочка с солидолом. Людей нет: полевые работы идут выборочно.

В обед отцепил бороны и погнал ДТ к будке. Надо заправиться да и самому перекусить и передохнуть от тряски, гула и пыли.

Подъехал к цистерне и заглушил мотор. Нашарил сидорок под сиденьем, открыл дверцу кабины и вдруг - шарах! Вот те на! Откуда она взялась, эта туча? Ведь только что солнце сияло! А тут дождь припустил - крупно, шумно, часто! И полетел над потемневшей степью. Гром ещё пару раз зло треснул над головой, но, опомнившись, погнался, добродушно рокоча, вслед за ливнем, а тугой умытый ветерок погнал за ним лоскуты растрёпанных грозой туч. И опять солнце вовсю и высокое, синее-синее, небо. Всё сверкает!

Вылез из кабины и... задохнулся! Запах озона, сырой земли и тающего снега тонко разбавлен пресным запахом горячего железа. Горчинка терпкой полыни и летучий запах солярки тонкими, прерывистыми струйками прони-

зывают густой сверкающий воздух. Все эти струйки, частички и оттенки плотно обволок и крепко держит в себе головокружительный, медовый дух тополиных почек.

Над бесконечной освежённой степью как заключительный аккорд какой-то волшебной, вселенской фуги, плывёт волшебный гул победившей весны.

Кукольными кастаньетами стучат на озорном ветерке веточки тополей. Грачи гомонят у своих гнёзд. И на всю эту благодать, неведомо с какой выси, со всех сторон сыплют жаворонки на пришедшую в степь весну хрусталики своих песенок.

